

**ОБЗОР СЕМИНАРА
«ЕВРАЗИЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.
1991 ГОД В РЕТРОСПЕКТИВЕ»
(КАЛЬКУТТА, 15–17 ФЕВРАЛЯ 2011)**

О.А. Донских

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

olegdonskikh@yandex.ru

Обзор представляет около сорока докладов, представленных участниками названного семинара. Обсуждаются различные проблемы политического, экономического, социального и культурного свойства, характерные для переходного периода.

Ключевые слова: Средняя Азия, Южный Кавказ, Россия, миграция, переход, терроризм.

В журнале «Идеи и идеалы» (№ 2 (4), т. 2, 2010 г.) был напечатан обзор семинара «Сообщества, институты в переходный период. Евразия после 1991 года», который состоялся 22–24 февраля 2010 года в Калькутте. В этом году 15–17 февраля прошел еще один международный семинар этой серии под названием «Евразия двадцать лет спустя. 1991 год в ретроспективе».

Институт азиатских исследований имени Мовланы Абул Калам Азада под руководством проф. Хари С. Васудевана продолжает изучать экономические, политические и социальные процессы, идущие на евразийском континенте.

Учитывая особую важность того, что происходит сейчас на этой территории, для России и для Сибирского региона в частности, журнал продолжает публиковать соответствующие обзоры. Семинар включал в себя девять академических сессий, посвященных разным аспектам темы, специальное заседание «Общие размышления», спе-

циальную лекцию проф. М. Палата «История и память, миф и традиция» (которую мы в виде статьи надеемся напечатать в одном из следующих номеров нашего журнала) и симпозиум «Миграция и демография в Азии: сравнительный анализ».

Размышления

Д-р **Барун Де** (Индия) в докладе «Южные перспективы Средней Азии, 1991–2001» говорил о том, что на историю до сих пор смотрят с евроцентристской точки зрения. Индия может многому научиться у стран Южной Азии и кое-что им предложить. Индийское влияние может быть прослежено от Юго-Восточной Азии до Камбоджи и Бирмы. Особенно если иметь в виду не геополитический, а геокультурный подход. Как меняется ситуация в настоящее время? Нам приходится переосмыслить пути миграции из Средней Азии, включая влияние тюркских языков. При этом нель-

зя рассматривать тюрко-иранское влияние только как исламское, но необходимо учитывать детали. В частности, это относится к языку фарси. Индия оказывается на перекрестье культур, и это нельзя не учитывать при формировании политических программ.

Проф. **Исенбайк Тоган** (Турция) в докладе «Двадцать лет спустя и новые истории» рассуждала о том, как формируются новые исторические концепции. Если через десять лет после распада Советского Союза общая картина была весьма неустойчивой, то сейчас, через двадцать лет, она строится на более устойчивом фундаменте. Можно наблюдать, как первоначально написанная история следует историческому развитию, тогда как позже она начинает представлять определенные тенденции будущего. В связи с этим обнаруживаются два направления. Первое направление связано с открытием себя. В связи с этим ранняя историография, которая в безличной манере описывала способы производства, постепенно заменяется таким восприятием истории, которое ведет к самоидентификации. Прилагаются серьезные усилия по привлечению источниковедческого материала. Но сейчас проглядывается и второе направление. Оно проявляет себя в контекстуализации исторического материала, что позволяет увидеть характер исторического развития. И тогда написание истории может служить целям формирования политической культуры.

Проф. **Т. Шаумян** (Россия) в докладе «Тибет в работах советских ученых» отметила, что изучение Тибета имеет долгую и интересную историю. Учитывая, что в России около ста шестидесяти тысяч бурят и двухсот тысяч калмыков, последователей ламаизма, царское правительство было за-

интересовано в укреплении их связей с Тибетом. Тем самым усиливалось их влияние в Сибирском и Забайкальском регионах, в Монголии и, соответственно, поддерживалось их присутствие в Тибете на том основании, что правительство должно охранять интересы своих граждан, исповедующих буддизм. Тибет изучали многие русские ученые. Архивы содержат сведения о Тибете, о Далай-ламе, о визите его эмиссара Агвана Доржиева к русскому царю. Тибетом интересовались в самом верхнем эшелоне российской власти. Особую ценность представляют письма Далай-ламы к царю с просьбой принять Тибет под свой патронат. В 20-е годы журнал «Новый Восток» печатает статьи Л. Берлина и А. Попова, которые впервые в русской печати характеризовали экспансионистскую политику Британии и попытки русской дипломатии использовать «Тибетский вопрос» для того, чтобы усилить свое влияние в разных частях света. О Тибете особенно много писали в Советском Союзе в первую декаду после Китайской революции 1949 года и «мирного освобождения» Тибета. Новые крупные исследования опубликованы уже в последние двадцать лет после снятия цензурных ограничений. Так, проф. А. Андреев впервые в отечественной литературе подробно описывает переговоры, которые велись русскими дипломатами с Далай-ламой 13-м с целью ограничить британское влияние. Д-р Ирина Гарри считает, что включение Тибета в состав Китайской республики не было легитимным и что только культурная интеграция Тибета с тибетскими общинами в Индии, Непале и Бутане может сохранить тибето-монгольскую цивилизацию.

Проф. **Мадхаван Палат** (Индия) представил доклад «Россия в мире». Россия перестала занимать одну из лидирующих по-

зиций в мире. Если иметь в виду выбор между однополярным и многополярным мирами, то какую позицию занимает Россия? Россия ищет место между Западом, к которому она не принадлежит, и Востоком, к которому она также не принадлежит после того, как Горбачев сдался Западу. Но экспансия НАТО на Восток показывает, что это не принесло России никакого авторитета. Более того, за последнее время Россия оказалась окруженной независимыми странами, оказавшимися под влиянием США. Путин фактически продолжает политику Горбачева. Изменилась только идеология. Другая возможность была представлена Примаковым: союз «Россия – Китай – Индия». Но эта возможность не реализуется Путиным последовательно. Если взять даже ШОС (Шанхайскую организацию сотрудничества) и проанализировать действия Путина и Медведева, то обнаруживается лишь пассивное принятие существующего порядка вещей, а это означает принятие лидирующего положения США в мире. И США толкает Россию на уровень стран вроде Бразилии, Южной Африки и т. п., и Россия отчаянно пытается избежать подобной участи, но пока безуспешно.

Наследие Советского периода

Автор этого обзора проф. **О.А. Донских** в своем докладе «Мифологические последствия постсоветской эры» говорил о базовых мифо- и идеологемах (в данном контексте различие не принципиально), которые определяли и определяют сознание российских граждан в аспекте их влияния на экономические отношения. В истории было три существенно различных набора ценностей, определяемых: 1) традицией, сложившейся к XVI веку;

2) западничеством, активно внедряемым с начала XVIII века, и 3) советской идеологией в XX веке. Каждое из этих направлений определенным образом задавало ценности экономической жизни. С начала перестройки западничество сменило вполне разложившуюся советскую идеологию и оказалось на подъеме, который быстро сменился разочарованием. В результате в духовной жизни возникло страшное зияние, что очень опасно, поскольку не только раскалывает общество, но и тормозит любое серьезное социально-экономическое действие.

Д-р **В.Ю. Башкуев** (Россия) представил доклад «Мифотворчество против забвения в контексте постсоветской этнической истории в республике Бурятия в конце 80-х – начале 2000-х». В последние годы агонизирующего социалистического строя возродились националистические дискурсы, которые начали использоваться формирующимися национальными элитами для конструирования новой этнической идентичности. При этом избирательно использовалась историческая память досоциалистического и советского периодов. В постсоветской Бурятии сосуществовали два направления создания новой этнической истории – официальное и оппозиционное. Кроме того, было третье, незаметное, но равно используемое обоими направлениями. Его можно определить как «забывание». Официальное направление строило свои мифы, недвусмысленно демонстрируя лояльность по отношению к Москве. В свою очередь, оппозиция делала акцент на трагических страницах национальной истории, прославляя мифических и полумифических героев и формируя соответствующий мартиролог, чтобы пробудить у простых людей национальные чувства. Но оба направления

старались избегать неудобных исторических страниц, просто опуская их. Так, например, отсутствует история эпидемии сифилиса в 20-е годы или история алкоголизма и т. п. Но ситуация такова, что тайное становится явным, и если не извлекать уроков из прошлого, то скрытые проблемы через какое-то время выйдут на поверхность с катастрофическими для исторического сознания последствиями.

Киргизская исследовательница **З. Алтымышева** (Киргизстан) в докладе «Советская политика депортации кочевого населения Киргизии в 20–30-е гг.» обращается к надолго скрытым страницам истории. Депортация коснулась зажиточной части населения Киргизии, которые были объявлены кулаками и высланы в другие регионы страны. В докладе рассматриваются как способы организации классовой борьбы населения с целью уничтожения политического и экономического влияния обеспеченного слоя, так и проблемы существования сосланных на новом месте. Поскольку далеко не все документы, относящиеся к депортации, сохранились, приходится опираться на устные рассказы свидетелей и потомков переселенцев. И здесь открываются ранее не известные аспекты этих событий.

Образы «постсоветского»

Проф. **Х. Умаров** (Таджикистан) в своем докладе «Переходные режимы: образы регионального колониализма» говорил о том, что, хотя проблемы колониализма в среднеазиатских республиках возникли со времени обретения независимости, основа для него сформировалась еще при Советской власти. Проблемы взаимоотношений разных региональных групп в отдельных странах обострились из-за узко-

местнического понимания ситуации, и отсутствие взвешенной региональной политики вело к социальному взрыву. Вначале разные стороны пользовались различными лозунгами (религиозными, демократическими, либеральными, коммунистическими и др.), но эта была борьба за власть между отдельными группами, а не между разными слоями населения. Последующие события показали, что такая политика ведет к региональному колониализму. Лидер государства начинает цинично формировать властные и экономические структуры с привлечением людей из своего региона. Нарушения Конституции и других законодательных и подзаконных актов становятся нормой жизни для подобных элит. Начинается эксплуатация всех возможных ресурсов в личных интересах. И эта эксплуатация иногда приобретает дикие формы. Например, в Таджикистане те, кто выращивает хлопок, не получали зарплаты с 1992 года. Это ведет к снижению уровня жизни, росту бедности, миграции рабочей силы из страны, утечке капитала и недостатку инвестиций.

Проф. **М.Н. Балдано** и **С.В. Балдано** (Россия) представили совместный доклад «Советские республики в постсоветском пространстве: Бурятия в поисках независимости». Когда в начале 1990-х гг. прошел «парад суверенитетов», практически все субъекты Федерации приняли резолюции о своей независимости. По содержанию они были весьма близки к резолюциям союзных республик, вскоре ставших независимыми государствами. При этом государство продолжало управляться из центра, куда шли и все доходы. И только 10 % ВВП перераспределялось обратно через бюджет. Когда российские власти отстаивали свою независимость от со-

юзного правительства, они очень терпимо относились к любым проявлениям этнического и политического самоопределения бывших автономий. В Бурятии в то время готовился Федеральный договор между Бурятской АССР и РСФСР и Декларация о государственном суверенитете, которые были приняты 8 октября 1990 г. Верховным советом Бурятской АССР. Это укрепило авторитет правительства, территориальную целостность и экономическую независимость. Но эти документы не отражали реального настроения людей, поскольку не были демократически одобрены в форме референдума. Проведенный в то время референдум о судьбе СССР показал, что большинство населения выступает за сохранение Союза. Правившая республикой элита была расколота по этно-клановому признаку, и партийные скрепы больше не работали. Сформировались два направления: одно ориентировалось в первую очередь на интересы бурятского населения, другое пыталось отражать интересы всего населения, включая в первую очередь русских. Отсутствие внятных политических, экономических и правовых предпосылок к провозглашению независимости проявилось в том, что ни лидеры, ни население Бурятии не имели четких представлений о том, как должна развиваться республика.

Исследователь **Налин К. Мохпатра** (Индия) выступил с докладом «Методологический критический анализ Среднеазиатских исследований». Неожиданный развал структуры советского государства привел к появлению в азиатской части бывшего СССР пяти независимых государств – Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана и Туркменистана, примыкающих к границам вечно неспокойного Афганистана.

По иронии судьбы переходный период для этих государств, как и ожидалось, был весьма непростым. Они столкнулись с необходимостью национальной самоидентификации, с проблемами формирования собственной политической и экономической линии. В этот процесс вмешались и геополитические силы и новые игроки. Однако анализ этих процессов ведется не на должном уровне. Когда изучалось социополитическое развитие афро-азиатских стран в послевоенный период, были выработаны новые методологические подходы к политике и поведению этих стран, проводился сравнительный анализ развития в разных странах. Сейчас анализ ведется с использованием устаревшего аналитического аппарата. Необходимо проводить междисциплинарные исследования исходя из исторических, аналитических и сравнительных перспектив.

Общество в развитии

Проф. **Ильхан Сахин** (Киргизстан) предложил доклад «Родственные отношения в Киргизстане после переходного периода (на материале изучения деревни Кунтуу)». Киргизы являются одним из древнейших народов Средней Азии. Они сохранили традиционные черты кочевого образа жизни до настоящего времени. Кроме того, они сохранили социальную структуру, основанную на традиционных родственных связях. До 1917 года они сохраняли очень жесткие отношения, которые определяли социальную и административную структуру, называемую «уруу», или «урук», обозначающую клан. Советская власть ослабила эти структуры, поскольку жители были организованы в колхозы и совхозы с соответствующим управ-

лением. Но с падением советской власти местные администрации потеряли свое влияние, и для решения возникающих социальных и экономических проблем жители вновь возвращаются к клановой организации.

Продолжая тему Киргизии, исследователь **К. Эшенкулова** (Киргизстан) в докладе «Урбанизация и процесс культурных изменений в Киргизстане» говорила о проблемах, связанных с урбанизацией. Она выделила такой тип заселения территории, как деформированная урбанизация, имея в виду большой поток переселенцев в города, в первую очередь в Бишкек. Поскольку этот процесс происходит стихийно и определяется плохими условиями жизни на селе, переселенцы сталкиваются с большим количеством проблем социального, психологического, этического и культурного планов.

Исследователь **Прити Дас** (Индия) сделала доклад «Идентификация украинцев: историческая перспектива». Речь идет о культурной самоидентификации народа. В критические моменты истории проблемы, связанные с ней, выходят на первый план. Так, например, молдавская культура обнаруживает свое более глубокое сходство с культурой балканских народов, нежели с культурой восточных славян. При этом нации, строящие свою культурную идентичность, обращаются к этнолингвистическим реалиям, диалектам, фольклору и т. п. Открываются и внутренние различия. Так, для украинцев приобретает важность растущая идентичность общины крымских татар. Только правильное понимание культурной идентичности позволяет глубоко вникнуть в современную ситуацию и может обеспечить платформу для будущих социальных реформ.

История и историография

В своем докладе «Инструменты для эпифании в новых историях – смена слов и понятий в хрестоматиях по истории» проф. **Бушра Эрсанли** (Турция) представила анализ новых хрестоматий по истории, которые были составлены начиная с 1991 года, в Среднеазиатских республиках для утверждения своей независимости. Республики следуют здесь своим путем, но все они постепенно пытаются уйти от «национального по форме и социалистического по содержанию». Для сравнения берутся узбекские и туркменские учебники. Если узбеки предпочитают говорить о Туркестане с культурным центром в этом регионе, то туркмены в контексте государственного строительства и консолидации общества предпочитают в качестве базового термина говорить о туркменах. При этом наблюдаются и иностранные влияния. Туркмены испытывают заметное влияние Турции, тогда как узбеки пытаются отстраниться от турецкого и рассматривать больше советское и западное влияния.

Д-р **Х. Камолов** (Таджикистан) в докладе «Пересмотр истории на службе политических элит Средней Азии» говорил о том, что история должна углублять понимание связи прошлого с настоящим и помогать извлекать уроки из прошлого. Современные лидеры независимых государств используют историю для своих политических задач, создавая новые мифологические концепции, чтобы отвлечь народ от насущных проблем. Это относится, главным образом, к эпохе позднего Средневековья, когда в этом регионе формировались государства. Особого сожаления заслуживает тот факт, что научные учреждения начинают служить своим лидерам, а не исти-

не. Так, например, отцом нации объявляется Тамерлан. Известно, что историки писали о нем как о жестоком правителе. Шарифиддин Язди – историк, современник Тимура – определял его политику в четырех словах: уничтожить, покорить, ограбить и сжечь. Источники дают множество свидетельств жестокости Тимура за 35 лет его правления. Игнорируя эти факты, искажая историю разными способами, политические круги Узбекистана делают все для его реабилитации. «Улучшение» истории начинается в 60–70-х гг. прошлого века. Это явилось результатом несправедливого проведения национальных границ между среднеазиатскими республиками. И до сих пор продолжается ревизия истории.

Канд. ист. наук **Д. Ананьев** (Россия) в своем докладе «Новое издание “Истории Сибири: пересмотр и обобщение новых тенденций современной сибирской историографии”» рассказал о проекте переиздания в трех томах пятитомной «Истории Сибири», вышедшей в середине 1960-х гг. В ней будут представлены результаты исследований в таких областях, как сибирский урбанизм, история коренных народов, результаты столыпинской реформы, история церкви, не говоря уже об истории советского периода и демографических проблемах.

Возрождение и трансформация

Д-р **М. Фредхольм** (Швеция) выступил с докладом «Из Ферганской долины в Вазиристан и дальше: изучая постсоветскую глобализацию. (Роль узбекских исламских экстремистов в гражданских войнах в Таджикистане, Афганистане и Пакистане)». Узбекские поборники исламского экстремизма играли и играют значительную роль в качестве иностранных участников граж-

данских войн в названных странах и в современном конфликте между Пакистанским Талибаном и силами безопасности Пакистана. Их тесные связи с сетями международного джихада, как, например, Аль-Каида, и значительные доходы из источников, находящихся за пределами региона, обеспечивают постоянный поток новых рекрутов, готовых к военным действиям. В настоящее время даже из Европы приезжают рекруты, готовые воевать в организациях, лидерами которых являются узбекские экстремисты, таких как Исламское движение Узбекистана и Союз исламского джихада. Деятельность экстремистов определяет усиление сдерживания роста демократии и усиление авторитаризма в государственных структурах Средней Азии.

Исследователь **Дебидатга Мохапатра** (Индия) (доклад «Ислам в российских преобразованиях, восстановление и импульс, пример Чечни») говорил о возросшей роли религий, в частности ислама, после распада СССР. Речь может идти о двух процессах, связанных с взаимоотношением общества и религии в России: 1) десекуляризация российской политики и 2) изменения в сфере российского ислама, которые меняют характер религиозного дискурса. И эти перемены имеют международное значение. Духовный вакуум начинает заполняться разными силами, и если на Северном Кавказе опасность меняющихся взаимоотношений между разными религиями очевидна, то в других регионах возникают новые очаги напряженности. Так, в Сибири отношения религий традиционно было миролюбивым, но новые, до поры скрытые тенденции могут создать серьезные проблемы, если ситуацию не контролировать. В России мусульмане в основном принадлежат к суннитам (только два процента яв-

ляются шиитами). В Чечне традиционным является суннитский суфизм. Уровень рождаемости среди мусульман – как живущих в Чечне, так и пришельцев из Средней Азии много выше, чем среди православных. По переписи 2002 года мусульман было 14,5 %. Но основная опасность даже не в изменении соотношения православных и мусульман, но в росте воинствующих направлений в исламе.

В докладе **А. Митра** (Индия) «Армия Медины: радикальный ислам, “импортируемый джихад” и “иностранные” моджахеды в пост-9/11 Евразии» говорилось о том, что репортажи о среднеазиатских моджахедах, стекающихся в региональный пояс «Аф-Паку», особенно в долину Сват и Южный Вазиристан, особенно после начала операции «Несокрушимая свобода». Эти сведения идут одновременно с информацией о постоянном притоке иностранных моджахедов в постсоветскую Среднюю Азию и укрепившихся арабских фиданнов из Ирака, Турции, государств Персидского залива и Йемена в результате глобальной вербовки, координируемой Аль-Каидой и другими международными террористическими организациями. Автор считает, что терроризм все больше теряет национальные корни, и организационная децентрализация Аль-Каиды ведет к тому, что возникает много самоуправляемых, оперативно автономных раскольнических групп, большинство из которых не являются евразийскими по своему происхождению.

Институты и структуры

В докладе проф. **Р.Г. Джидадхубли** (Индия) «Постсоветские экономические переходы в Средней Азии: стратегия реализации альтернативных моделей» на материа-

ле сравнения Казахстана и Узбекистана показано, как проходило и проходит экономическое строительство в этих бывших советских республиках. Казахстан, следуя за Россией, первоначально принял стратегию шоковой терапии, надеясь осуществить переход в один шаг. Узбекистан, напротив, осуществлял переход под строгим государственным контролем, следуя примеру Турции, Индонезии и др., но сохраняя при этом некоторые элементы советской системы. При этом обе страны (Казахстан в большей степени, чем Узбекистан) на первом этапе испытали упадок экономики. В середине 1990-х гг. Казахстан изменил свою экономическую политику, порвав с политикой шоковой терапии. Страна сконцентрировалась на натуральных ресурсах, либерализовала экономику, зарабатывая валюту и привлекая иностранных инвесторов. Это обеспечило высокий рост экономики. Получив независимость, Казахстан более последовательно, чем его сосед, участвовал в региональной политике и установил двусторонние отношения с Россией и США. В то же время Казахстан сильнее пострадал от кризиса 2008 года, поскольку Узбекистан ориентируется, в первую очередь, на экономическую диверсификацию и экономическое развитие для внутренних нужд. Однако ни одна из этих стран (как, впрочем, и другие республики бывшего СССР) не избежала таких проблем, как взяточничество, коррупция, бюрократический контроль и др.

Проф. **Аджай К. Панаик** (Индия) представил доклад «Диалектика перехода в Средней Азии: путь Киргизии к парламентской демократии». 10 октября 2010 г. Киргизстан нарушил традицию СНГ и стал первым государством, ушедшим от авторитаризма и полупрезидентских республик, двух систем, существующих на постсовет-

ском пространстве. Октябрьские выборы провозгласили приход парламентской демократии в Киргизстане. Вопрос: Почему в небольшом и разделенном Киргизстане? Ответ может быть найден в тех пяти годах между двумя вспышками беспорядков, которые привели к синтезу, называемому парламентской демократией. Кратко говоря, то, что отрицание 2005 года стало, в свою очередь, отрицанием в 2010 году. Процесс отрицания отрицания может объясняться сложившейся комбинацией факторов. Это касается, например, отчуждения народа от власти в Средней Азии. Хотя недовольство может наблюдаться во всех республиках, но именно в Киргизстане по ряду причин, в частности из-за вертикального регионального разделения, наблюдались массовые протесты.

Д-р **М. Рахимов** (Узбекистан) выступил с докладом «Вызовы институциональной трансформации в Средней Азии: перспективы Узбекистана». Процессы трансформации включают строительство государственных институтов и элементов гражданского общества, формирование национальной культуры, новую социальную стратификацию узбекского общества. И в рамках каждого из этих процессов возникают соответствующие проблемы. Здесь и трудности во взаимоотношениях государственных и негосударственных организаций, недостаток политической культуры, ностальгия по советским временам, отсутствие реальных изменений в определенных областях. Не случайно сейчас бывшие президенты среднеазиатских республик находятся где угодно, но только не в своей стране. А хотелось бы видеть бывших и настоящих президентов вместе, как в Индии или в США.

Представитель ОБСЕ **К. Эспозито** (Польша) выступил с докладом «Динамика,

символы и контекст некоторого прекращения напряженности на таджико-узбекской границе в 2010 г.». Последние 20 лет в Узбекистане и Таджикистане отмечены беспрецедентными конфликтами на границе. Но благодаря относительной изоляции они переживают небольшой экономический рост даже во время кризиса, хотя и меньший, чем в предшествующие годы. Одна из важнейших проблем в отношениях между двумя странами состоит в том, что основные торговые пути (например, в Россию) идут из Таджикистана через Узбекистан, и таджикское правительство обвиняет узбекское в том, что оно препятствует нормальной доставке товаров. Противная сторона это отрицает, утверждая, что никаких препятствий не чинит. В любом случае необходим детальный анализ ситуации, включая интересы различных этнических групп.

Исследователь **Н. де Педро** (Испания) в докладе «Межэтническая гармония в Казахстане и Киргизстане (1991–2010) – мощная дорога к конфликту» показывает, что так называемая политика межэтнической гармонии, принятая двумя странами, является противоречивой. С одной стороны, она препятствует развитию гражданского самосознания, а с другой – консолидирует политические сообщества именно на этнической основе.

Образы культуры

Проф. **О.В. Бураева** (Россия) выступила с докладом «Новые праздники в Бурятии, или Новая жизнь праздников старого календаря». После распада СССР заметен значительный рост этнического самосознания с обращением к истории, традициям, праздникам. Уже в 1991 году был принят закон о праздновании Сагаалгана – празд-

ника Белого Месяца (Нового года по лунному календарю) наряду с 31 декабря. Начали праздноваться Рождество, Масленица, Пасха, Сурхарбан и др. Особенность Бурятии состоит в том, что все этносы, а их 113, принимают участие в этих праздниках. Вокруг этих праздников существуют идеологические споры, но в любом случае старые праздники обретают в новых условиях вторую жизнь.

Проф. **Рашми Дорайсвами** (Индия) в докладе «Нации и национализм в кинематографе новой Средней Азии» говорила о том, насколько изменилось среднеазиатское кино за двадцать лет независимости. Кинематограф играл важную роль в национальном строительстве в годы советской власти и продолжает эту линию. Такие казахские фильмы, как «Мустафа Чокай» Нарымбетова или «Келин» Ермака Турсунова оказались в центре современных дебатов о национализме. Аллегорические способы изображения нации, представленные этими лентами, являются крайне важными.

Доцент **Ранджана Саксена** (Индия) прочитала доклад «Падение Советского Союза и падение русского литературного канона». После исчезновения цензуры многие предвидели творческий взрыв, однако, напротив, после публикации запрещенных прежде книг и легализации андеграунда русская литературная сцена выглядит пустой. Еще в 1991 году во время съезда писателей ощущалось, что писатели чувствовали себя не свободными, а брошенными. Хотя были и критики, которые провозглашали некролог советской литературе. Русская культура переставала быть литературоцентричной. Остается проблемой, как получилось, что свобода выражения может оказаться концом русской литературы?

Проф. **Ш. Гуллиев** (Казахстан) выступил с докладом «Музыкальная жизнь постсоветского Туркменистана». К сожалению, большинство изменений в социальной и культурной жизни не могут оцениваться положительно. Рассматривая четыре сферы развития музыкальной культуры – народную, авторскую (композиторскую), современную поп-музыку, а также сферу исследований в области музыки, – автор отмечает, что хуже всего дела обстоят в последней. Это связано с ликвидацией Академии наук и института признания кандидатских и докторских диссертаций, небрежное отношение к традиционной музыке. Ситуация такова, что потребуются десятилетия для восстановления нормальной музыкальной жизни.

Проф. **Манью Как** сделал доклад «Николай Рерих – воспоминания о жизни», в котором говорил о том, как русский художник объединил в своем мировоззрении древнюю мудрость разных культур.

Новые соседства

Исследователь из Гейдельберга **Сёрен Урбанский** (Германия) в докладе «Дыры в заборе. Переговоры о народном маркетинге на советско-китайской границе (1983–1993)» говорил о том, что приграничные территории рассматриваются местными жителями совсем не так, как их видят из министерств иностранных дел. На основе изучения границы между городом Маньчжурия (Внутр. Монголия, Китай) и Забайкальском автор делает вывод, что граница между двумя странами пала задолго до начала того, как Москва и Бэйджин решили открыть ее.

Канд. ист. наук доц. **Н.П. Рыжова** (Россия) выступила с докладом «Общие ресурсы и неформальная приграничная эко-

номика: рыболовство на Амуре». На названном материале показано, что ряд мифов о жизненной необходимости китайцев в естественных ресурсах, которая определяет их хищническое отношение к ним, в том числе и к российским, а также о масштабах незаконной китайской практики далеко не соответствуют действительности. Китайцы, как правило, соблюдают законы, тогда как русские привычно их нарушают. При этом риторика русских СМИ представляет дело обратным образом, доказывая даже, что общие ресурсы принадлежат одним русским. Подобные материалы прямо ведут к трагическим последствиям и для самих общих ресурсов, и для сотрудничества.

Исследователь **Шарад К. Сони** (Индия) выступил с докладом «Глядя поверх географических соседей: ревизуя постсоветскую монгольскую политику «Третьего соседа». Зажатая между двумя могучими соседями – Россией и Китаем, только с распадом СССР Монголия смогла реально пытаться строить независимую политику. Монголия приняла соответствующие документы, чтобы освободиться от диктата Москвы и устанавливать отношения с «третьим соседом» – со странами, лежащими далеко за пределами ее границ. Она начала строить отношения с США, Канадой, Японией, Южной Кореей, Австралией, Германией и др. странами. И это требует осторожного пересмотра отношений с ее непосредственными соседями.

Исследователь **В.Б. Базаров** (Россия) продолжил тему в докладе «Монголия в постсоветском пространстве». С распадом Союза в Монголии на рубеже XX–XXI веков происходят драматические изменения как во внутренней, так и во внешней политике. До этого Монголия сотрудничала в основном с социалистическими странами,

входившими в Совет экономической взаимопомощи. Но после падения биполярного мира она начала устанавливать связи с другими странами. Так, в области высоких технологий она ориентируется на Японию, США и Евросоюз. Она не может не учитывать растущей мощи Китая. В то же время играют роль и старые связи, которые переосматриваются на новой основе.

Д-р **Марилиса Ларуссо** (Италия) в докладе «От союза к региону – Южный Кавказ между сходствами и различиями (1991 – 2011)» говорила о том, что пятнадцать республик бывшего СССР естественным образом перегруппировываются в четыре региона со своими особыми интересами – это Средняя Азия, Южный Кавказ, Восточнославянский регион, включая Молдову, и Балтийский регион, страны которого сейчас входят в Евросоюз. Южно-кавказский регион отличается сильными местными связями, большим разнообразием языков, относящихся к разным семьям, используется три алфавита. В силу того, что инфраструктура не выходит за пределы каждой из трех стран региона, местный рынок сравнительно невелик, этот регион не слишком привлекателен для зарубежных инвесторов, и возникает сильное желание к интеграции внутри региона. Кроме того, они (особенно Грузия) разыгрывают карту демократизации с тем, чтобы выступить проводниками европейского влияния.

Д-р **Роза Абдыкулова** (Киргизстан) сделала доклад на тему «Наследие оттоманской дипломатии в Средней Азии и параллели с современной Турцией». В архивах Турции, Узбекистана и Киргизии хранится много документов в отношении прежней политики. Главное отличие ее от современной состоит в том, что если раньше основным объединяющим фактором был ислам,

то сейчас все большую роль играют языковые, экономические и политические реалии.

Д-р **Ниведита дас Кунду** (Индия) в докладе «Геополитические и экономические перспективы Центральной Евразии: их значение для Индии» обсуждает сам термин «Центральная Евразия», который относится к территории, простирающейся от Босфора до Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. После распада СССР этот огромный регион все больше приобретает самостоятельность, которая не сводится ни к религии, ни к экономике, ни к политике как таковым.

Симпозиум «Миграция и демография в Азии»

Открывая симпозиум, чл.-корр. РАН **В.А. Ламин** говорил о том, что необходимо найти правильные интонации в отношении российской истории, тогда как в настоящее время оценки, как правило, совершенно несправедливые.

Проф. **В.А. Исупов** (Россия) представил доклад «Демографическая эволюция в Северной Азии: парадоксы истории». Докладчик показал, что в отличие от ряда стран, которые завершили демографический рост (Европа, Северная Америка, Япония и др.), и от ряда азиатских стран, которые только вступают в период бурного демографического роста, что, в свою очередь, приведет к серьезным социокультур-

ным изменениям, Северная Азия идет по варианту, который можно назвать «советским». Он характеризуется тем, что рост населения периодически прерывается и затем начинается снова. Поэтому он до сих пор не завершен. Подобный вариант можно ожидать у ряда азиатских стран.

Исследователь **С.Ю. Даржаев** (Россия) выступил с докладом «Миграционные процессы на постсоветском пространстве (Россия и Среднеазиатский регион)». Он обсуждал различные проблемы, связанные с миграцией населения после распада Союза, включая трудовую миграцию, «утечку мозгов», рост преступности и др.

Исследователь **Я.А. Кузнецова** (Россия) в докладе «Возрастная структура населения стран Азии: общее и особенное» говорила о том, что рост населения в Южной Азии ведет к резкому снижению среднего возраста населения таких стран, как Пакистан (где дети младше 14 лет составляют 2/5 населения), Иран, Ирак и некоторые другие. Средний возраст в этих странах составляет 18–20 лет. Похожая ситуация характерна и для среднеазиатских стран, где средний возраст – 23 года. В Индии он составляет 24,6 года. В Китае – 31,5. Россия же сравнима в этом отношении со стареющими европейскими странами.

Представленные доклады активно обсуждались присутствующими. Думается, что данный обзор дает представление о тех проблемах, которые были в центре внимания участников семинара.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПО СОЦИОЛОГИИ

Обзор подготовлен Г.П. Рыбиной, заведующей сектором отдела библиографии Областной государственной научной библиотеки, Новосибирск

Инновационная модернизация России. Политологические очерки: [монография] / [А.Б. Вебер, А.А. Галкин, Ю.А. Красин, Л.И. Никовская, В.И. Пантин]; под ред. Ю.А. Красина. – М.: Ин-т социологии РАН, 2011. – 253 с.

Тираж 100 экз.

Монография представляет собой итог трехгодичной работы круглого стола в Институте социологии РАН, посвященного социально-политическим аспектам инновационного развития российского общества. По мнению ее авторов, современная Россия нуждается не просто в модернизации, а в «креативной модернизации», главный смысл которой состоит в переходе к инновационному типу развития (ИТР), к «умной экономике», основанной на знании, информации, творчестве. ИТР требует не только технологического «прорыва», но и трансформации политической системы. Для современного российского общества характерно противоречие между потребностью в инновационном способе развития и преобладающими пока политическими трендами. Темпы и результаты продвижения к ИТР будут определяться коллизиями противостояния авторитарных и демократических тенденций.

Осмысливая тенденции и перспективы политического развития России в XXI веке, авторы приходят к выводу, что существует возможность демократической эволюции политической системы, что позволит изменить вектор государственной политики и расчистить дорогу инновационной модернизации общества.

Докторов Б.З. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения: [монография] / Б.З. Докторов. – М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение»; Изд-во «Европа», 2011. – 640 с.

Тираж 1000 экз.

В монографии доктора философских наук, профессора Б.З. Докторов рассматриваются разнообразные аспекты президентской избирательной кампании 2008 г. в США, в которой одержал победу Барак Обама. Эти выборы были в ряде отношений беспрецедентными: впервые в них участвовал и победил кандидат афро-американец, впервые за пост вице-президента боролась женщина – Сара Пэйлин, впервые одним из главных источников электоральной информации и активизации электората оказался Интернет.

В книге анализируется широкий круг вопросов, относящихся к методологии и методам изучения общественного мнения, а также прогнозирования результатов президентских избирательных кампаний. Эмпирической основой книги стал осуществленный автором мониторинг большого числа онлайн-информационных источников и результатов опросов общественного мнения, проводившихся ведущими опросными организациями США.

Книга может быть полезной всем, кто интересуется состоянием современных политических процессов в мире и вопросами изучения общественного мнения.

Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки: монография / В.Н. Шубкин; РАН, Ин-т социологии. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 424 с. *

Тираж 500 экз.

Книга В.Н. Шубкина (1923–2010), известного российского социолога, – яркий образец новаторского творчества ученого, находившегося у истоков возрождения социологии в государстве, в котором общественные науки были обременены диктатом идеологической апологетики. Излагаемые в книге методология и методические принципы социологии сохранили свою актуальность и сегодня. По мастерству научного анализа по сей день непревзойденным остается опыт проведенных им многолетних лонгитудных исследований профессиональных траекторий молодежи, а также реализованная им социологическая модель роли образования в воспроизводстве социально-профессиональной структуры общества.

Показывая сложность выбора жизненного пути выпускниками школы, автор впервые в социологической литературе пишет об этической дисфункции общего образования. Отдельный раздел посвящен доказательству важности этического содержания социологических исследований, тесной связи социологии и литературы.

Когатько Д.Г. Российская идентичность. Культурно-цивилизационная специфика / Д.Г. Когатько, В.Х. Тхакахов; [Междунар. ассоц. «Рус. культура»]. – СПб.: Алетейя, 2010. – 134 с. – (Русский мир).*

Тираж 1000 экз.

В книге представлен социологический анализ отечественной традиции исследования российской идентичности как культурно-цивилизационного феномена. Авторы в русле социологии цивилизаций рассматривают структуру, функции, элементные особенности российской сопринадлежности. Отдельное внимание уделяется процессам конструирования и трансформации российской идентичности в новой России. Впервые «русское» исследуется как символический ресурс современной российской идентичности.